

УДК 13

ДОМ-ОЙКОС, ГОСУДАРСТВО-ПОЛИС И МИР-КОСМОС: СМЫСЛОВАЯ ИЕРАРХИЯ БЫТИЯ В АНТИЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

© Светлана Николаевна РЫМАРОВИЧ

Курский филиал Российского государственного социального университета,
г. Курск, Российская Федерация, кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии, e-mail: svetaleh@rambler.ru

Рассмотрена смысловая иерархия бытия в античной культуре как гармония трех сфер: дома-ойкоса, государства-полиса и мира-космоса. В основе всех трех понятий лежит архетип дома как обитаемого, освоенного и защищенного бытия. Выявлено, что идея дома вполне отчетливо формулируется в античности, получая затем в историко-философском дискурсе концептуальное обоснование.

Ключевые слова: дом; ойкос; полис; мир; космос; античная философия.

Изобильная населенность нынешнего информационного пространства, каждая «монада» в котором сиюминутна, скоропроходяща, являет собой полную противоположность исключительной смысловой наполненности дошедших до нас фактов античной культуры. Именно в античной культуре и философии сформировались представления о гармонии космического и человеческого мира, уходящие своими корнями в древневосточную мыслительную традицию. Мир есть Космос, – законченное и прекрасное целое, имеющее определенные границы, а элементы мира – естественные организмы, образующие космическую гармонию. Таким образом, все греческие архетипы вырастали из осознания всецелой организации Космоса как громадного организма, в котором действуют боги, герои и люди, причем вместе (см.: [1]). Как отмечает Р. Гвардини, «античный человек знает о власти судьбы над всеми, включая всевышних богов, о правящей миром справедливости и о разумном порядке, определяющем все происходящее. Однако эти

всемогущие силы не противопоставлены миру, а образуют его первооснову» [2, с. 241].

Известно, что сами понятия «Космос» и «Вселенная» – греческого происхождения, первое означает «строй», «порядок», а второе – всю обитаемую землю, причем между человеческим и природным в античном представлении о мире нет пропасти, человек здесь – частица всеобщего природного процесса. Целостность человеческого бытия оказывается органически встроенной в цельность бытия всего сущего. В человеке воплощены космические стихии и силы, и, следовательно, он – «микрокосм», соизмеримый с миром.

Осмысление Космоса как устройства мира, подчинения человеческой жизни законам мироздания – основная тема размышлений античной философии. В греческой философии Космос отождествляется с организмом, проникнутым целесообразностью. Так, стройным гармоническим целым предстает Космос у Пифагора. Платон представляет Космос тотальным соразмерным, одухотворенным и живым существом, порожденным

демиургом в соответствии с тождественным и неизменным первообразом. На наш взгляд, античный космос – не абстрактная модель Вселенной, а космизированный мир человеческой повседневности, этот мир обжит и освоен человеком, однако в отличие от конечного человека, Космос – вечный и бессмертный. Интегративным символом мира-Космоса в культурном пространстве античности можно назвать гомеровский образ океана, охватывающего ойкумену [3, с. 52].

Известно, что в осознании мира в целом и в формировании жизненного пространства в древности точкой отсчета всегда являлся сам человек (данный принцип, в современной интерпретации – антропный принцип, сформулировал софист Протагор: «Человек – мера всех вещей»). При этом оседлым земледельцам, к каковым можно отнести и древнегреческую национальную общность, было свойственно статическое (радиальное) мировидение, согласно которому человек находится как бы в центре пространства и строит мир в виде концентрических кругов вокруг своего поселения. Так, Ф. Бэкон полагал, что человеческой жизни свойственно «троеначалие»: все вокруг группируется в «три большие категории, три космоса – мир Вселенной, мир общества и индивидуальный мир. Человек способен как бы вживаться в образ каждого из этих миров, отождествляться с ним» (цит. по: [4, с. 10]). Таким образом, и античное мировосприятие включает в себя три концентрических круга: индивидуальный мир, воплощенный в доме, социальный мир, представленный полисом, а также мир природный – Космос, служивший образцом для первых двух. По мнению современных исследователей-лингвистов Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, разделяемому и нами, в центре бытия человека древности все же находится дом, который в народном сознании вбирает в себя весь мир [5, с. 9].

Следует отметить, что дом является основополагающим архетипом культуры и универсальным пространственным ориентиром человека. Идея дома появляется еще в первобытности и сигнализирует о рождении культуры. Жилище, прежде всего, – есть ответ культуры на природную уязвимость и незащищенность человека. Именно дом, исполняющий роль своеобразного инкубатора, обеспечивает принципиальную «укрытость»,

благодаря которой человек становится человеком, т. е. имеет возможность культивировать свои телесные и духовные способности. По мнению ряда современных исследователей (см.: [3; 6; 7]), именно в «одомашнивании» людей и мира состоит суть цивилизационного процесса, поэтому исключение «домашности» из ценностного комплекса человеческой цивилизации может грозить человеку утратой собственного места, потерей идентичности и ситуацией экзистенциального одиночества.

Изначально предназначенное для защиты человека от природной стихии, жилище с течением времени приобретает новые функции и осознается в контексте широкого круга понятий и явлений, таких как семья, народ, страна, нравственность, память, вера. Несмотря на то, что архетип дома универсален (внеационален), понятие дома обращает к дихотомии «свой – чужой» и тем самым вступает в корреляцию с феноменом национального. По словам известного исследователя проблем ментальности Г.Д. Гачева, дом является центром освоения пространства: «по дому можно изучать воззрение народа на мир – как он его понимает» [8, с. 38]. Дом воспринимается как материализованное воплощение духовных, этических, эстетических, социальных идеалов и представлений народа. Человек древности осмыслял свое положение в мире и определял свое поведение во многом через оппозицию «дом – антидом» (границы круга объектов и ценностей, включенных в сферу соответственно «своего» и «чужого» пространства) [9, с. 314]. Дом – это «свое», безопасное пространство, где человек развивается как культурное существо, в отличие от чужого, внешнего пространства хаоса. В течение веков дом в национальной культуре был эквивалентом природного, естественного, но «окультуренного», обжитого мироустройства и воплощал собой устойчивость, упорядоченность, семейно-родовую близость.

Дом обладал безусловной ценностью для грека, символизировал его обитаемый мир. Начало философского осмысления идеи дома, ойкоса (в переводе с др.-греч. «дом») связывают с именами Платона и Аристотеля. Иногда первенство в разработке основных положений, характеризующих бытие ойкоса, хозяйственную жизнь, приписывают Ксено-

фонту, создавшему трактат «Домострой», основным объектом рассмотрения в котором является замкнутое натуральное хозяйство, а также бытие вещей в доме [10]. Известно также, что Ксенофонт именуется дом «очень ценной вещью».

Ойкос осознается в античной философии как основная материальная единица человеческого бытия. В практическом плане ойкос означал большое самодовлеющее хозяйство; дом; античную семью, владеющую землей и движимым капиталом, в том числе рабами, и занимающуюся добыванием сырья и изготовлением необходимых продуктов обрабатывающей промышленности. Ойкос являлся самодостаточной хозяйственной единицей: он удовлетворял почти всем потребностям домовладыки и его семьи, и только немногие предметы потребления – главным образом, чужеземные растительные продукты, металлы и предметы роскоши – приобретались обменом на излишки собственного производства. Ойкос был основной ячейкой античной общины, и пока эта ячейка была крепка и здорова, пока был прочен семейный и родовой строй, а неотчуждаемость ойкосной земли мешала концентрации землевладения, – до тех пор процветала и античная община.

Примечательно, что в древности (если мы возьмем любую этническую древность) первоначальное значение дома – это именно семья, коллектив родственников, совместно занимающихся хозяйством. И лишь позже, с утверждением идеи индивидуализма и осознанием личностью самой себя понятие дома часто применяется для раскрытия существенных черт самого человека. Соответственно, и ощущение приватности домашнего пространства в традиционной культуре весьма условно. Жизнь древнего человека проходила на глазах у «большой семьи», работа, досуг, повседневность находились в синкретичном единстве. Действительно приватным, интимным пространство дома становится в культуре Нового времени, когда набирает силу разделение профессиональной деятельности (работа) и повседневной жизни (дом). Развитие промышленности и торговли «сделали сферу публичного устрашающей для людей того времени, и они стали искать защиту от социально-экономических потрясений внутри собственных семей» [11].

Дом-ойкос устроен так же, как и государство-полис, и мир-космос, т. к. в них проявляется все тот же правящий миром разум-логос, закон-номос и порядок-таксис, мерно, точно и неизменно являющиеся во всем сущем [12]. Космос устроен наилучшим образом и существует естественно, по природе – и в этом его естестве проявляется логос. Античный Космос представляется как иерархическое конечное живое существо, замысленное и сотворенное демиургом, гармонически расчисленное и обустроенное. В космосе у всего (человека, вещи, события и т. д.) есть свое место-топос, и тем самым – свой смысл. Место, выступая как граница, т. е. определяющее и ограничивающее начало, оказывается близким форме – идеальному бытийному и смысловому принципу вещи и структурно-упорядочивающему началу. *Место* при этом отлично от *пространства*, которое, напротив, рассматривается как близкое небытию материи. Известно, что греческий язык не знает термина, обозначающего пространство. Философы, исследующие античную мыслительную традицию, сходятся во мнении, что древний грек был очень ограничен в пространстве, его мир был предельно замкнут. Так, Н.А. Бердяев замечает, что «...грек созерцал мир замкнутым формой, пределом, не видел далее» [13, с. 60]. По словам А.Ф. Лосева, античная аполлоновская душа всегда жила *малым, обозримым* [14, с. 45]. Еще одно подтверждение тому же находим у О. Шпенглера: «Грек, как и римлянин, приносил жертвы богам той местности, где он пребывал; все прочие исчезали из его кругозора. Подобно тому, как в греческом языке *нет слова для пространства*... так у грека отсутствует и наше чувство ландшафта, чувство горизонта, перспектив, далей, облаков, равным образом и понятие отечества, простирающегося далеко. *Родина* для античного человека – это только то, что он может обозреть с высоты Кремля своего родного города. То, что лежит по ту сторону оптической границы этого политического атома, было чужим, даже враждебным... Полис есть наименьшая из всех мыслимых государственных форм, а его политика представляет собою подчеркнутую политику близких расстояний... Античный храм, охватываемый одним взглядом, является наименьшим из

всех классических типов строения» [15, с. 238].

Древнегреческий храм осознавался как *дом божества*, и соответственно, содержал в себе атрибуты дома. Так, П.Я. Чаадаев пишет: «прекраснейший греческий храм есть не что иное как дом: с приятными ощущениями, доставляемыми вам изящною соразмерностию, необходимо соединена мысль, что он создан для чьего-либо жилища... Греки действительно должны были строить жилища своим богам. Мы, христиане, воздвигаем только священные памятники, ибо нам некогда помещать в наших храмах» [16]. Без человека античный космос бессмыслен, без космоса бессмыслен античный человек: отождествление себя и космоса происходит до неразличимости, и только посредством храма как оформленной границы, как структурного предела удается попеременно фокусировать взгляд то на первом, то на втором. Древнегреческий храм есть одновременно и модель Космоса и архитектурное явление античного мира.

Весьма интересно, что уже в античной философии появляется довольно популярный позднее *мотив отождествления интеллектуального труда мыслителя с деятельностью архитектора, зодчего*, постепенно, поэтапно возводящего дом. Данная метафора берет начало в работах Аристотеля «Метафизика», «Никомахова этика» и «О частях животных». О философствовании как подражании архитектурному ремеслу позднее писали Фома Аквинский в «Сумме теологии», Рене Декарт в «Размышлениях над первой философией» и «Ответях на возражения «некоторых ученых мужей против изложенных выше размышлений»», Гегель в «Эстетике» и др. «В различных местах моих сочинений, – пишет Декарт, – я говорил, что подражаю зодчим в том отношении, что, когда они стремятся построить прочное здание на почве, в которой камень, глина или какие-то другие твердые породы засыпаны сверху песком, они сначала роют траншеи и выбрасывают из них весь песок и другие лежащие поверх него или перемешанные с ним породы, дабы затем воздвигнуть опоры на твердой почве. Точно так же и я сначала отбросил, подобно песку, все сомнительное, а затем, поняв, что немислимо сомневаться, по крайней мере, в том, что существует сомне-

вающаяся, или мыслящая, субстанция, я использовал это как скалу, на которой укрепил опоры моей философии» [17, с. 398]. Для нас важно, что Декарт в Новое время сознательно поддержал аристотелевскую традицию проводить параллели между конструированием способности мышления и конструированием объектов архитектуры. Таким образом, античная культура формирует представление об *архитектурности человеческого мышления*.

Подводя итоги, следует сказать о том, что сам феномен «греческого чуда» был бы невозможен, не будь у греков сильного чувства «дома». Можно утверждать, что все традиционные общества, породившие великих мыслителей, героев и святых, брали свое начало в религиозных устоях, семейных истоках и родительском доме. Несмотря на то, что греки «никогда не были намертво привязаны к той земле, на которой они родились и выросли, тем более, что эта земля нередко становилась для них не матерью, а злой мачехой» [18, с. 47], эллины, тем не менее, никогда не забывали о своей родине, о доме, и это чувство кровной связи с родиной (домом) переживалось особенно остро и напряженно.

Дом свой увидеть и сладостный день возвращения встретить,

Если же кто из богов мне пошлет потопление в темной

Бездне, я выдержу то отверделою в бедствиях грудью:

Много встречал я напастей, немало трудов перенес я

В море и битвах, пусть будет и ныне со мной, что угодно.

(Гомер. Одиссея. Песнь пятая. 220)

Слово «дом» очень часто встречается в тексте гомеровской «Одиссеи», а мотив возвращения на родину – один из основных в эпической поэзии Древней Греции. Так, судьба одного из ахейских вождей, царя маленького скалистого острова Итаки, Одиссея, полна драматических коллизий, и он, несмотря на свою безудержную энергию, скорбит, плачет, тоскуя по жене, сыну и дыму родного очага, обладая как будто бы всеми радостями жизни и любви на острове нимфы Калипсо, и даже отвергает даруемое ею бессмертие – ради своей скудной Итаки. В древнегреческом эпосе впервые в мыслительной

традиции обозначается оппозиция «дом – мир». Море – образ бесконечного пути человека, бескрайнего мира, остров Итака – образ дома, родины, желанной и недостижимой цели пути. Главный герой «Одиссеи» не просто пускается в странствие, а целенаправленно возвращается на родину. Любовь к своей семье и родному очагу помогает ему преодолевать невероятные препятствия, множество соблазнов, мучительных страданий и гнев богов, то и дело нарушая установленный ими с давних веков порядок.

«Дома я! Это я сам! Претерпевши несчетные беды,

Я на двадцатом году воротился в родимую землю»

(Гомер. Одиссея. Песнь двадцать первая. 205)

Мы полагаем, что идея дома уже вполне отчетливо формулируется в античности. Однако в конце античного периода истории происходит ее смысловая трансформация. Эпоха эллинизма знаменует крушение полисных идеалов, гармоничной иерархии античного Космоса. Религиозный философ и писатель XX в. Мартин Бубер, проанализировав самосознание разных эпох, отмечает: «В истории человеческого духа я различаю эпохи обустроенности (Behaustheit) и бездомности (Hauslosigkeit). В эпоху обустроенности человек живет во Вселенной как дома, в эпоху бездомности – как в диком поле, где и колышка для палатки не найти» [19, с. 164-167]. Социальная нестабильность, крушение полиса (а вместе с ним легко обозримого и регулируемого общественного порядка) и нарастание хаоса, неуправляемые социальные конфликты, политический деспотизм и мелкое тиранство внесли новый смысл в саму идею дома. Прежний дом-ойкос как место совместного бытия занимающейся хозяйством большой семьи становится отныне, в первую очередь, пристанищем потревоженной души. Хотя еще и можно встретить оптимистическое пожелание римлянина:

...строить дома, сочетая жилище свое во-едино

С крыши другой; чтоб доверье взаимное нам позволяло

Возле порога соседей заснуть.

(Ювенал. Сатиры. Книга V.
Сатира пятнадцатая. 153-156)

1. *Шубович С.А.* Архитектурная композиция в свете мифопоэтики: монография. Харьков, 1999.
2. *Гвардини Р.* Конец Нового времени // Феномен человека. М., 1993.
3. *Марков Б.В.* Культура повседневности. СПб., 2008.
4. *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? // Вопросы философии. 1991. № 8.
5. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Дом бытия языка: в поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция логоэпистемы. М., 2000.
6. *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в современной культуре. СПб., 2002.
7. *Разова Е.Л.* Дом: место социального и культурного становления человека: автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2004.
8. *Гачев Г.* Национальные образы мира. Космо – Психо – Логос. М., 1995.
9. *Лотман Ю.М.* Семиосфера. СПб., 2001.
10. *Ксенофонт.* Домострой // Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М., 1995.
11. *Сеннет Р.* Падение публичного человека. М., 2002.
12. *Никулин Д.В.* Основные понятия и проблемы античной философии. Введение // История философии. Запад-Россия-Восток. Книга первая. Философия древности и средневековья. М., 1995. С. 195-197.
13. *Бердяев Н.А.* Мирозерцание Достоевского // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч. 1.
14. *Лосев А.Ф.* Очерки античного символизма и мифологии. М., 1993.
15. *Шпенглер О.* Закат Европы. Т. 1. М., 1993.
16. *Чаадаев П.Я.* Об архитектуре // Отрывки и разные мысли (1828–1850-е годы). URL: http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0110.shtml. Загл. с экрана.
17. *Декарт Р.* Сочинения: в 2 т. М., 1994. Т. 2.
18. *Андреев Ю.В.* Цена свободы и гармонии. СПб., 1999.
19. *Бубер М.* Два образа веры. М., 1995.

Поступила в редакцию 13.07.2012 г.